

«Девочки, я в вас не ошибся!»

— кричал Роман Виктюк знакомым проституткам

В ближайшее воскресенье желтоволосый театральный хулиган, постаревший, но по-прежнему неутомимый, покажет москвичам премьеру, отдающую ностальгической остротой. «Наш Декамерон XXI» — так она называется и, естественно, отсылает к знаменитому спектаклю десятилетней, нет, наверное, уже двенадцатилетней давности по пьесе Эдварда Радзинского. Тогда главную героиню — девушку легкого поведения и трудной судьбы — играла Татьяна Догилева. В памяти запечатлелось, как актриса перманентно, по поводу и без оного, садилась на шпагат. Новое актерское поколение выдвинуло на место Догилевой не менее гибкую, зато более загадочную Ирину Апексимову. Она же выступает в качестве продюсера.

Итак, перед вами — предпримьерное интервью Виктюка исключительно о проституции с примечаниями. Примечания потребовались из-за великолепной прямоты моего собеседника: годы не притупили ему ни голову, ни язык, ни живой интерес к разнообразным явлениям неформальной действительности. Как утверждает сам Роман Григорьевич, проблема продажной любви волновала его еще во внутриутробном состоянии.

— Когда мама была на седьмом месяце, она несколько раз пыталась послушать во Львовском оперном театре «Травиату», но, едва начинались первые звуки увертюры, я так отчаянно бился и заявлял о своем стремлении скорее прийти в этот мир, что она с увертюры и уходила...

У Верди ведь тоже тема проституции. И в «Травиате» опять-таки, если помните, все начинается со смерти и скрипки с высокой ноты начинают оплакивать мир, где существовала героиня.

Потом я познакомился с той певицей — Ниночкой Шевченко, ее уже сейчас нет в живых. У нее голос был феноменальный. Я даже полагаю, лучше, чем у Каллас, но оттого, что она была во Львове во время оккупации — коммунисты то ли забыли, то ли не захотели взять ее с собой, и ей пришлось остаться петь для немцев, — всю оставшуюся жизнь она считалась человеком третьего сорта, никакой карьеры, разумеется, не сделала, и звание ей дали, когда это уже было бессмысленно.

Ее дочка сейчас актриса в Риге, и внук — артист, тоже в Риге. И вот я с ним буду делать спектакль. Я не могу ему отказать, потому что его бабушка — моя первая Виолетта. Почему я об этом так подробно рассказываю? Потому что в нашем спектакле тема «Травиаты», тема этих скрипок, на совершенно неосознанном уровне, но будет присутствовать. Когда я первый раз ставил «Наш Декамерон», я об этом забыл. А потом мне мама напомнила. Тем более что возмещение и одухотворение героини здесь тоже есть. Ты пьесу помнишь?

— Помню.

— А тот, предыдущий спектакль не видела?

— Видела, конечно. На первом курсе тогда училась и по какому-то невероятному везению попала в Ермоловский.

— Да, я тут в Германии встретил человека, работавшего тогда заместителем директора Ермоловского театра, и он мне сказал, что за два билета на «Наш Декамерон» он мог бесплатно отремонтировать машину. А еще, помню, звонили мне ребята студенты, которые говорили: «Помогите нам прокормиться, продайте нам два билета...».

— Чтобы загнать их по спекулятивной цене.

— Ну, разумеется. Это было не только на «Декамероне», но и в «Современнике», и на «Царской охоте», и на «Татуированной розе» — я им всякий раз оставлял два билета, чтобы они могли существовать. А потом однажды они мне принесли на «Царскую охоту» огромный букет роз — в благодарность за то, что они кончили институт и не умерли с голоду.

— Вы просили Радзинского что-нибудь подкорректировать в пьесе?

— Ни-че-го! Я вообще думаю, что из всех пьес того периода испытание временем выдержала только одна — «Наш Декамерон». Радзинский почувствовал чужую, которая год от года только усиливается, и зараза ее в наших организациях по-прежнему произрастает... А может, и не он сам. Через Радзинского, я в этом убежден, проговариваются те Системы, которые над нами, те Системы, откуда мы приходим и куда возвращаемся. И то, что он услышал,

Ирина Апексимова и Владимир Зайцев. Острый репетиционный момент.

сегодня, может быть, имеет еще большее значение, чем десять лет назад. Проститутка — главная героиня и тех времен, и сегодняшних несмотря на ожесточенную борьбу с ними нынешних властей. Энергетика мужских тел из самых разных сословий общества оставляет на коже и душе этих женщин особые пятна, знаки, по которым можно определить степень распада или, наоборот, живительного начала в обществе. Поскольку кожа и есть граница нашей души.

Им самим, проституткам, это в голову не приходило. А вот писателю пришло. По типу проститутки, по ее качеству можно судить об изысках и болезнях в обществе.

— А что, собственно, вы называете «ожесточенной борьбой» властей с проститутками?

— Поскольку я живу на Тверской и всегда знал все подворотни, где они собирались, мне это просто было интересно, я был свидетелем того, как подлезали машины, их туда загоняли, увозили... Один раз их собрали в Моссовесте. Был такой зам у Лужкова, который этим занимался... Забыл фамилию... Ну как его? Седоватый. Высокий. Красивый. Не важно... Я знаю, кто его любовница — на телевидении работает. Так вот, он их до утра перевоспитывал.

Примечание 1. Фамилию префекта мы все-таки вспомнили. Попробуйте и вы обойтись без подсказок.

...Я про них несколько раз говорил в «Антропологии» у Диброва, я к ним обращался, общался с ними в прямом эфире.

— Обращались с чем?

— Я их приглашал на спектакль «Путаны» по пьесе Манфреды, рассказывал им о содержании, о том, что это поставлено для них, обещал, что на Тверской, между МХАТом и Телерафом будет висеть растяжка: «Путаны», и пусть они приходят, я пропущу их бесплатно. И они пришли... Ну что ты смеешься? Это было в Театре эстрады.

— Как вы отличали профессионалов от обычных халзящих?

— Всех, кто пришел, я встретил у служебного входа.

— То есть вы говорили: это мы, Роман Григорьевич, вы нас звали, не отпирайтесь...

— Конечно. Это мы. Я их сразу узнал, в них какая-то открытость была... Перестань смеяться!.. А как-то ночью я шел по подземному переходу со стороны Телерафа домой, часа в два ночи, поднялся по ступенькам, а они стояли стойкой, человек двадцать. Вдруг слышу сзади: «Роман Григорьевич, почему вы с нами не здороваетесь?». Я оглянулся — может, еще какой-нибудь Роман Григорьевич идет, нет, бегут ко мне. Стали всякие слова произносить. Потом говорят: а можно, чтобы вы прямо сейчас вместе с нами вошли в космос?

— Куда?!

— «Космос» — это кафе такое было в моем доме.

Я спрашиваю: зачем? «А если вы с нами войдете, нам больше дадут». Я им сказал: «Девочки, хорошо, завтра пойдем, сегодня уже поздно».

— Наверное, когда вы первый «Декамерон» делали, основательно предмет изучили.

— Естественно, мы с Таней Догилевой интересовались типажам, тем более что Ермоловский театр, где мы играли, расположен по соседству с «Националем». Та проститутка была агрессивной, она боялась милиции, прикрывалась комсомольским билетом и идеологическими лозунгами. Одежда и внешний вид у нее шли от балета — от самого главного советского достижения, которым мы хвастались по всему миру. Проститутка принимала ту оболочку, которая определяла лицо нашей страны за границей.

Сегодняшние — другие. Они гордятся своей функцией жриц любви. Когда они мне напевали «Травиату», я был потрясен. Особенно последний дуэт с уважаемым Альфредом: «Покинем край, где мы так страдали», там есть одна проверочная для меня нота: «Покинем край, та-ра-ри та-ра-ра», и Альфредо говорит: «Си-и» — «Да». Вот они это «си» знали тоже. Хотя нота проходная, и в мелодии она ничего не меняет.

— Из Гнесинки они у вас, что ли?

— А черт их знает! Я думаю, что сегодняшние проститутки — они на уровне Гарварда. Говорю абсолютно серьезно. Во-первых, знают поэзию. Во-вторых, занимаются телом. В курсе всех музыкальных направлений. Понимают, что такое клиповое сознание. Они со мной разговаривали так, что любая театроведка позавидовала бы их познаниям. И такие тонкости улавливают в поведении, в стиле... Я им сказал: «Девочки, я в вас не ошибся!». А одна вдруг расплакалась: «Вы первый человек, который с нами говорит уважительно».

— И последний.

— Возможно. Вот еще интересная вещь — они Маргариту Булгаковскую считают своей. Я недавно делал «Мастера и Маргариту», так глаза и облик той девчонки — Олеси, которая мне про Маргариту рассказывала, передо мной все время стояли.

Они интеллектуАлки. (Виктюк на правах национального героя Украины любит коверкать слова.) Фанатики — в хорошем смысле.

— Фанатики чего?

— Тела. Тело — это единственное, что наша природа дает в свое распоряжение. Мы можем делать с ним все, что хотим. Они считают, что у них тела — самые идеальные на планете, и, наверное, они правы.

Поскольку я уже не одну пьесу ставил о проститутках, меня это явление интересовало в разных частях мира. Я утверждаю: наши выигрывают. В смысле интеллекта, в смысле образованности. Наши — чище. Если такое слово вообще можно применить к проституткам.

Причем что интересно: там тоже наши. Сколько там украинок, сколько из Нижнего Новгорода, сколько ленинградонок я видел — в Америке, в Германии. Но почему-то на нашей почве они развиваются, а там деградируют. Рядом стоит всякий Эквадор и еще какая-нибудь Малая Азия, нехорошая, и вот наши микрируют под этот облик, под уровень плебса.

— Почему вас тянет в злые места?

— Кто-то очень здорово сказал: «Нужно уважать простые удовольствия, ибо они единственное и последнее прибежище сложной натуры».

— Исчерпывающий ответ.

— Понимаешь, да? Сложной натуре больше некуда ткнуться. В Нью-Йорке есть такие закрытые точки, куда ходят мультимиллионеры, платят огромные деньги. Я был в таком месте, и, между прочим, меня туда повела Наташа Макарова. Она тоже хотела вкусить простых удовольствий. И думаю, что была довольна.

Примечание 2. Если великая балерина пожалеет после данного заявления вкусить судебных удовольствий, пусть обращается напрямую к своему компаньону.

...А почему, ты думаешь, тот спектакль десятилетней давности имел такой успех? Потому что ходила элита, ходили интеллектуалы. И ловили кайф от простых удовольствий.

— Господи, в чем же здесь удовольствие? Сами говорили: чума, болезнь.

— Да, но болезнь, которая прельщает, а не отталкивает. Там же не было проблемы СПИДа, который, видимо, послан на Землю для очищения.

— Вы надеетесь на повторение того, прошлого успеха?

— Вряд ли. Я вообще не знаю, какой получится результат. Но это будет политический спектакль, как и тогда. На сей раз он начнется с гимна Советского Союза. То есть с нашего вернувшегося гимна. И я не знаю, кто в зрительном зале встанет, кто останется сидеть, а кто просто улыбнется.

— Да никто не встанет.

— Во всяком случае Владимир Владимирович Путин встанет.

— А вы надеетесь, что он будет?

— Он будет на сцене. И вот, когда он встанет, я хочу посмотреть, кто не встанет в зрительном зале. То есть сразу возникает вопрос: где проститутки — на сцене или среди зрителей? А придут депутаты, уже обзвонились, что хотят на премьеру. Я говорю: пожалуйста, приходите, это спектакль о вас. Они хохочут. Не знают о первом же подвохе, который поставит их на место. И прояснит, кто на самом деле ближе всех к этой профессии.

— Депутаты — проститутки какого рода?

— Мозгового. Даже не мозгового, а языкового.

— Орального.

— Ну да. Они только в горле и на языке буквы перекачивают, им абсолютно все равно, какой текст произносить.

— Продолжаете ваять себе имидж диссидента?

— Меня просто считали диссидентом, а я с властью никогда не волевал и не воюю. Я, например, обожаю советские песни. Советские, пионерские. Особенно — «Ленин всегда-а живой...». Но, когда я с Юлием Марковичем Даниэлем, замечательным человеком, шел рядом и пел громко эту песню, он сказал: «Я от вас сейчас уйду, меня второй раз посадят в тюрьму». Я говорю: «Почему?» — «Вы так поете, что сразу ясно, насколько вы их ненавидите». Да как же ненавижу?! Обожаю!..

Примечание 3. Специально для господ депутатов: см. примечание 2.

— А такое понятие, как театральная проституция, по-вашему, существует?

— Разумеется! Появилось множество сцен-проституткок, сдаваемых в аренду за деньги. Платишь — играй. Только такса все возрастает. Один театр три дня в неделю отдает, другой четыре. Без зазрения совести. Я этот вопрос поднимал в Комитете по культуре. Я им говорил: как же так, они живут за счет бюджета и при этом у другого театра, бездомного, берут деньги и кладут к себе в карман. Если вы им оплачиваете свет, тепло, то за что платим мы?! И все это знают, и все молчат...

Четвертого примечания не будет. О театрах-проститутках Роман Григорьевич сказал чистую правду. Готова поддержать его точку зрения в любых инстанциях.